

ИЗБУШКА В ГОЛУБЫХ ЕЛЯХ

ЛИРИЧЕСКАЯ ЗАРИСОВКА О РОДНОЙ ПРИРОДЕ

КАЖДЫЙ РАЗ, приезжая в Чульман, я собираю свой походный рюкзак и отправляюсь вниз по реке к избушке в голубых елях. Путь не близкий, пожалуй, километров пятнадцать наберется по болотам да по горам, да по камушкам так наскокаешься, что ноги сами запросят отдыха, а тут тебе и избушка на тропе вырастет, как в сказке, только без курьих ножек и бабы-Яги, а охотничья, добротная из толстых лиственничных бревен, построенная дедушкой Корневым.

Он жил в избушке все лето и осень, наслаждаясь удивительной тишиной, которую лишь изредка нарушал посвист веселых бурндуков да тревожный писк пугливых камешек. Иногда к нему приходил внук, заходили на огонек и незнакомые охотники и рыболовы. Разношерстный народ. Все больше приезжие. Одни с уважением относились к таежным традициям, другие — равнодушно или с иронией. Последних старый таежник не любил. И не напрасно. От них жди беды, такой без колебаний заберет все припасы в избушке, бросит горящий окурок или спичку на тропу, оставит непгашенным костер — и пылает бесценная тайга-матушка. Они и спалили однажды избушку Корнева и все его нехитрое добро. Осталось темное пятно гари да усохшие сосенки, прихваченные пожаром.

После этой беды осунулся дедушка, болеть стал, долго не ходил в тайгу. Но велика власть тайги, целебен ее воздух. Пахнуло весной, теплый ветер принес запахи талых снегов и багульника из глубины тайги, — встрепенулось что-то в душе старого таежника. Стал он оживать от всего этого и от запавшей думки: построить новую избушку.

Долго подыскивал место. Прицеливался и так и эдак. И место определил поглубже — не всякий так вот, запросто, махнет в эту глушь: и река с глубокими уловами и пенистыми порогами под боком, и сухой склон невысокой горы, заросшей кедровым стланником и разнообразным ягодником. Но примечательностью нового места стали голубые ели, раскинувшие свои серебристые лапы вокруг, с седыми космами лишайников. Под сенью елей, на моховых подушках, пышно разрослись кусты красной смородины и моховки. В дождливые августовские дни выбираются наружу грибы. Их разноцветные шляпки разбросаны всюду и хорошо видны даже в еловом сумраке.

Хорошо здесь отдыхать, слушать многоголосый шум речных перекатов, дробный стук налетевшего дятла, крики кедровки, пересвист молодых бурндуков с камешками; и даже дальние, глухие раскаты грома воспринимаются здесь иначе, чем в городе, слышнее голос поэзии. Ничем незамутненные, отливающие голубизной и малахитом, сочатся из трещин гранитных скал родники, бьют в глубоких распадах холодные ключи.

Заберешься в такой распадок моховку собирать, а на тебя холодом дохвет, хоть телогрейку натягивай. Попробуешь такую воду на вкус — холода и вкуса необыкновенно. Пахнет тайгой, дальними скальными гальками, альпийскими травами и лугами. Заманно ведь! Она стру-

Заберешься в такой распадок моховку собирать, а на тебя холодом дохнет, хоть телогрейку натягивай. Попробуешь такую воду на вкус — холодна и вкусна необыкновенно. Пахнет тайгой, дальними снежными гольцами, альпийскими травами и цветами. Звездная вода! Она струится ласковая, искристая, срывается с обрывов и, падая с шумом на камни, разбивается на тысячи брызг, и там, где она, собравшись в единый поток, впадает в реку, — лениво пошевеливая плавниками и хвостами, стоят хариусы и ленки, а в золотисто-темных глубинах уловов укрываются за камнями в ожидании зазевавшейся рыбешки властелины реки — таймени.

Переведешь взгляд от реки наверх — и голова пойдет кругом: прямо над вами нависли скалы с причудливыми формами, гордые в своей неприступности, открытые всем ветрам и бурям, большие и малые, и карабкаются по ним, словно суворовские чудо-богатыри, неисчислимые колонны лиственниц, елей. Кинет солнце свои косые лучи на скалы, пронизет насквозь каждую иголочку лиственницы, и вспыхнет она ярко-зеленым пламенем над жуткой скальной пропастью.

Живешь в избушке день, два, неделю, обрастешь бородой, обветришься, закалишься, кажется, сполна наберешься впечатлений, но, прощаясь с царством тайги, бросишь с перевала последний взгляд в ту сторону, где прячется приют в голубых елях.

Н. РУСАКОВ,
наш общ. корр.